

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ЯДЕРНЫЙ
КЛИМАТ

Спецназ. Группа Антитеррор

Максим Шахов

Ядерный климат

«ЭКСМО»

2014

Шахов М. А.

Ядерный климат / М. А. Шахов — «Эксмо», 2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

В начале девяностых московский физик Иосиф Губерман изобрел принципиально новый вид климатического оружия. Но тогда проект так и не был реализован. В наши дни об изобретении узнают члены могущественной террористической организации. Они предлагают финансирование проекта, но с одним условием: испытание оружия должно быть проведено в одном из российских городов. Губерман – отчаявшийся гений, готовый на все ради своего детища, – соглашается. О планах террористов становится известно сотрудникам ФСБ. В террористическую организацию внедряется агент-боевик Михаил Кузьменко. Ему приказано во что бы то ни стало остановить Губермана...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Шахов

Ядерный климат

© Шахов М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Михаил стучал по клавиатуре компьютера, разыскивая по базе данных статучета фирму с претенциозным названием «Успех». Он искал уже второй час, однако успеха, в смысле результата, не было никакого. Было найдено несколько ОАО и ЗАО с таким названием, но они явно не подходили по профилю деятельности разыскиваемого объекта. Наверняка это фирма-однодневка, созданная на одну-две операции, если и есть по ней какой-то след, то его надо искать у налоговиков. Говорил ведь Валериану: «Купи налоговую базу». Не послушал. Надо посылать Самсоныча к его другу в налоговую инспекцию.

– Михаил Борисович, чай, кофе? – заглянула в его кабинет секретарша Валериана.

– Лучше чай, Роза Ивановна. – Михаил откинулся на спинку кресла, решив оставить явно бессмысленное занятие. Через минуту на столе перед ним уже стоял поднос с зеленым чаем и имбирным печеньем.

Вообще-то по должности такой сервис ему не положен. И секретарша для него не предусмотрена. Но поскольку Валериана сейчас нет, то Михаил, как его зам, вроде бы автоматически за шефа. Однако истинная причина такого внимания к нему со стороны Розы Ивановны в другом: она давно положила на него глаз. Роза Ивановна, или Роза, как все называют ее в офисе, женщина немолодая, но молодящаяся. У нее пышные формы, шикарные каштановые волосы, так что по нестрогим параметрам Роза Ивановна женщина еще весьма и весьма... Она печет великолепное печенье, которым периодически потчует коллег в офисе. Но все эти достоинства перечеркиваются двумя недостатками: чрезмерное любопытство и болтливость, обычные, в общем-то, женские недостатки, которые у нее приняли гипертрофированные формы. Раньше Роза Ивановна пела в местном театре оперные арии, но в лихие девяностые годы «под ударами судьбы» (театр распался) вынуждена была оставить сцену. Сейчас Розе Ивановне сорок пять, женщина в цвету и одинока – самый опасный вариант для зрелых холостяков.

Откровенные намеки начались год назад. Сначала приглашения в офисе попить чай в ее закуске, затем просьба повесить люстру в ее квартире... Михаил, чтобы отсечь у Розы Ивановны ненужные иллюзии, сразу заявил ей, что у него есть подруга, и даже просил знакомую девушку-следователя из милиции звонить ему в офис только по городскому телефону. Однако Роза Ивановна оказалась женщиной проницательной и как-то заявила Михаилу, что если у него и есть девушка, то это несерьезно.

– Михаил Борисович, – по-свойски вошла в кабинет с чашечкой кофе Роза и села в потертое кресло, – а почему вы не возьмете себе помощника? Наняли бы какую-нибудь студентку с юридического, она взяла бы у вас часть черновой работы. Я же вижу, что вы работаете прямо на износ.

Вопрос вроде бы бесхитростный, но с двойным дном.

– Понимаете, Роза Ивановна, – изобразил простодушную улыбку Михаил, – я считаю, что для того, чтобы «влезть» в расследуемое дело, надо самому пройти все этапы расследования. Это мой принцип.

– Я не знаю методику ваших расследований, но себе цену надо знать и уважать себя, в рамках разумного, конечно. У нас в театре, – без перехода начала Роза Ивановна, – был тенор Хлебосольцев-Заварский, слышали, может быть, заслуженный... – презрительно хмыкнула она. – Так его гримировал только личный гример. Один раз он заболел, а этот Заварский заявил, что другого гримера к своему телу не подпустит. Чуть спектакль не сорвал. Пришлось того гримера из постели вытаскивать и везти к Заварскому...

– Ну, это барство.

– А вот еще. Была у нас одна певичка...

– Роза Ивановна, не могли бы вы мне принести дело по пропавшему рыбаку, – предусмотрительно перекрыл открывшийся словесный фонтан женщины Михаил.

– Да, конечно. – Роза Ивановна обиженно поднялась и вышла из кабинета с напряженно прямой спиной, демонстрируя официальность.

Господи, сколько у нас еще по стране таких женщин, горестно подумал Михаил, и ничего тут не сделаешь. Мужиков выбивает тысячами. Войнами, бандитскими разборками, водкой.

Он встал из-за стола, поставил на подоконник пустую чашку, подошел к настенному календарю, перевел красное окошечко на нужное число: девятое апреля 2003 года. Почти семь лет прошло с тех пор. Семь лет, вздохнул Михаил, прожитые впустую, даже вспомнить нечего.

После бойни на секретном объекте в сибирской тайге его доставили в Москву. В аэропорту, как только он сошел с трапа самолета, его приняли крепкие ребята в черных костюмах и галстуках и на черном джипе увезли в какой-то лесной «санаторий». Поместили в камеру с привинченной к полу мебелью. Начались длительные, изматывающие допросы. Дотошно расспрашивали о семи годах его бурной жизни, начиная с августа 1989 года. Но и после допросов ему не давали покоя: приносили в камеру бумагу, просили описать то один эпизод из его жизни, то другой.

Некоторые эпизоды он описывал по несколько раз, с интервалами в две-три недели. Понятно, ловили на мелочах и нестыковках. Работали с ним жестко, но не били, не кололи. Уже прогресс! Демократия! Ночью давали на сон восемь часов. Кормили сносно, и на этом спасибо.

С ним работали четыре человека. Сначала был лысый мужчина в кожаной куртке, до безобразия много куривший. Его интересовали эпизоды, связанные с террористической операцией на секретном объекте. Потом был мужчина интеллигентного вида с толстыми линзами на очках. Он немного заикался и говорил нараспев. Тот задавал самые разнообразные вопросы, иногда идиотские. Например, что вам больше нравится: корова на льду или огурец в презервативе. Это был психолог, который выяснял его психическое состояние. Затем была женщина лет тридцати пяти, довольно симпатичная. Она проверяла его на детекторе лжи и задавала безумное количество вопросов, которые часто повторялись.

И еще с ним работал сухопарый мужчина с непроницаемым лицом, интересовавшийся эпизодами его заграничной жизни, особенно фактами и деталями пребывания Михаила в турецком лагере по подготовке диверсантов. Инструктора Рашида его просили даже нарисовать по памяти. Но поскольку изобразительные способности Михаила были невысоки, ему велели подробно описать его: внешность, приметы, характер, даже коронные удары в рукопашных поединках.

Режим содержания был специфический: что-то среднее между тюрьмой и психбольницей. Подъем в 7.00, тридцать минут прогулка в глухом дворе, окруженном высоким забором с колючкой, собаки, натасканные на людей. Охранники – тренированные волкодавы, молчаливые, с суровыми лицами. Во всех щелях видеокамеры. Как-то Михаил решил похулиганить, проверить систему охраны. Подпрыгнул на забор высотой два с половиной метра, подтянулся, увидел дальше другой забор, высотой не меньше трех метров. Через пять секунд подбежали две кавказские овчарки, глухо рыча и недвусмысленно обнажив клыки. Когда он спрыгнул на землю, перед ним уже стояли два «шкафа», играя желваками и мускулами.

– Прогулка закончена, в камеру, – сухо объявил один из них.

Михаил безропотно подчинился. Перед тем как закрыть за ним дверь в камеру, охранник предупредил: «Не надо больше так делать, будет хуже», – и красноречиво сжал свой внушительный кулак.

В 8.00 завтрак, в 9.00 допросы до 17.00. До девяти часов вечера написание «мемуаров». Полчаса – прогулка, в 23.00 отбой. В принципе он мог ложиться и раньше, до отбоя, это не запрещали. Но все равно заснуть не мог, так как до 23 часов над кроватью горела яркая лампа и, кроме того, рядом с лампой работал кондиционер. Сначала Михаил не понимал, в чем дело,

ведь он прекрасно засыпал в трясущемся грузовике или при громко орущем радио. Лишь под конец пребывания в тюрьме до него дошло, что причина в кондиционере. Нужды в нем не было: комната просторная, по углам две вентиляционные решетки. Работал кондиционер странно. Воздух из него не шел, но он издавал какой-то еле слышный гул. Когда Михаил ложился на кровать, его сразу охватывало чувство беспокойства и страха. Генератор сверхнизких частот, понял он. Михаил слышал о таких установках, и вот теперь пришлось это «чудо техники» испытать на себе.

На допросы не водили только в воскресенье. Но это было еще хуже: гнетущая тишина, ни радио, ни газет, ни телевизора. Один раз он попросил охранника дать ему что-нибудь почитать. «Не положено», – отрезал тот. На одной из бесед Михаил пожаловался психологу: «Вы что, хотите, чтобы у меня крыша поехала?» Психолог обещал помочь, заметив, что это очень сложно. Через три дня дали несколько книг: низкосортные детективы, «фэнтези», которыми сегодня завалены книжные развалы. Вероятно, их читала охрана во время длинных и скучных дежурств.

Эта тягомотина длилась три месяца и закончилась неожиданно. Теплым сентябрьским утром Михаила, как обычно, повели на допрос. Однако доставили его не в унылую камеру для допросов, а в уютный кабинет начальника объекта, с современной мебелью, телевизором и кактусами на подоконниках.

За столом сидел худощавый мужчина лет пятидесяти, в дорогом сером костюме, а под ним белая сорочка и модный галстук. Лицо неприметное, гладко выбритое, ухоженное, в манерах, да и во всем облике мужчины чувствовалась властность. По внешнему виду род занятий мужчины определить было сложно. Но выдавал взгляд серых, глубоко посаженных глаз. Взгляд-рентген: пронизывающий и одновременно притягивающий. Это взгляд ловцов человеческих душ. Он у них всех одинаков и не зависит от ведомственной принадлежности или национальности.

– Присаживайтесь, Михаил Борисович, – жестом указал на стул у стола мужчина.

Михаил сел и вдруг почувствовал: сейчас и будет решаться его судьба. Мужчина несколько секунд смотрел на него, как кошка на мышку.

– Меня зовут Геннадий Николаевич, сотрудник управления «БТ», – сообщил представитель серьезного ведомства. – Мы проверили ваши показания и, в целом, поверили им. Приняли решение относительно вас. – Геннадий Николаевич слегка ударил по столу ладонью с плотно сжатыми пальцами. Этот жест был красноречивее всяких слов. Прихлопнул, словно муху, подумал Михаил. – Но мы все-таки должны согласовать это с вами.

– Зачем же со мной согласовывать, если решение уже принято? – вяло усмехнулся Михаил.

– У вас есть выбор, небольшой, но есть. Всего два варианта. Первый: мы вас вербуем как агента, вы отсидите несколько лет в тюрьме как соучастник террористической акции, затем выйдете по амнистии. А дальше посмотрим, где можно будет вас использовать.

– А второй?

– Если вы не соглашаетесь на первый, то отсидите на полную катушку – двадцать лет. В шестьдесят выйдете. Как раз к пенсии, – мрачно пошутил Геннадий Николаевич.

– А то, что я выдал вам всю группу и помог в ее ликвидации, это что, является соучастием в преступлении?! – с вызовом посмотрел ему в лицо Михаил.

– Мы учли этот факт, – спокойно кивнул головой Геннадий Николаевич. – Если бы не это, то у вас был бы только один вариант – второй.

«С-суки, – ругнулся про себя Михаил, – я знал, что Контора жесткая организация, но чтобы до такой степени!»

– И в какой роли вы меня хотите использовать?

– Пока не знаем. Видите ли, Михаил Борисович, вы стали довольно заметной фигурой в среде террористов. А это самый закрытый контингент в криминальном мире. Внедрить своего человека в эту среду, допустим в ту же Аль-Каиду, процесс долгий, сложный и, как правило, с отрицательным результатом. Вы же оперативник, все понимаете. – Геннадий Николаевич скривился в гримасе, которая, видимо, должна была обозначать улыбку. – Мы вам оставляем вашу последнюю биографию и ваше последнее имя, и вы в глазах наших врагов остаетесь тем же самым террористом – беспринципным, закаленным, не сломленным в застенках НКВД...

– А Вошанов, он же знает мою роль в резне на объекте?

– Вошанов уже никому ничего не скажет, – загадочно усмехнулся Геннадий Николаевич.

О господи, горестно воскликнул Михаил про себя, никогда мне не вырваться из этого ада круга.

– У меня есть вообще надежда вернуть *свое* имя? – Он прямо посмотрел в глаза собеседника.

Чекист молча помотал головой, затем достал из стола толстую папку синего цвета – в правом верхнем углу гриф «Совершенно секретно», в середине – «Личное дело Кузьменко Михаила Борисовича» и предложил:

– Читайте.

«Постановление о закрытии дела и сдаче в архив». ...Установлено, что Кузьменко М. Б. погиб в автокатастрофе в гор. Жмеринка (Украина), свидетельство ДАИ (дорожная автоинспекция) прилагается. На основании изложенного и в соответствии с приказом № ... дело закрыть, сдать в архив на хранение. До 2071 года, после чего уничтожить.

Начальник отдела кадров, полковник...» – запрыгали буквы перед глазами Михаила.

Геннадий Николаевич забрал обратно папку, спрятал ее в стол. Вот и все, нет меня, опустошенно подумал Михаил.

– Моей бывшей жене вы... сообщили? – спросил он.

– Естественно. – На лице чекиста опять появилась улыбка-гримаса.

– И вы меня запрячете в тюрьму только ради этой вашей игры?

– В общем-то, да. – Геннадий Николаевич был откровенно циничен.

– Жестоко, – горько усмехнулся Михаил.

– Но ведь вы сами выбрали себе такую судьбу. И потом, Михаил Борисович, мы люди военные, хоть и не носим форму. Ну, посудите сами: солдат оставляет боевой пост. В мирное время за это дисциплинарное наказание, в военное – расстрел. Вы в Германии тогда, в сентябре 1989 года, когда у нас каждый работник был на счету, бросили свой пост, сбежали. Хорошо, что сейчас демократия, а при Берии что бы с вами было?

– Но зачем вы отнимаете у меня мое имя и мое прошлое?! – возмущенно воскликнул Михаил.

– А для нашей игры. И чтобы у вас не возникли лишние иллюзии и вы не наделали каких-нибудь глупостей. Я прочитал ваше личное дело, все ваши объяснения, – Геннадий Николаевич встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился перед Михаилом, – и знаете, мне непонятны мотивы ваших действий в 1989 году в Германии. Зачем вы так поступили? Теперь мы убедились, что не ради предательства. Тогда почему? У вас были перспективы роста, семья, хорошая жена, в материальном плане все нормально. Ну, объясните, почему?!

– Из меня хотели сделать мальчика для битья. Готовилось мое показательное избиение, в воспитательных целях... в назидание потомкам.

– Да что вы несете чушь! – раздраженно воскликнул Геннадий Николаевич. – Ничего серьезного с вами не произошло бы, тем более что вы были прикомандированы из другого главка. И потом, это так, для информации. Головы там полетели у других, в том числе и у вашего непосредственного начальника Зинчука. Там был, оказывается, такой гадючник! Зинчук, Протасов... Комиссия из Центра полгода разбиралась. Начальника отдела Мережко они

же и ликвидировали, потому что он разворошил этот гадючник. Но кое-какую информацию он все-таки успел передать. А вы, как мальчишка, струсили, испугались, что вас чуть-чуть побьют, смалодушничали, бросили все, даже семью... А-а! – Геннадий Николаевич выразительно махнул рукой на Михаила, затем сел обратно за стол и добавил: – А за ошибки надо платить, Михаил Борисович.

– Кому, вам?

– Родине надо платить, – жестко отрезал Геннадий Николаевич. – Завтра вам дадут «решение суда», отправят в тюрьму. Тюрьма хорошая...

– Спасибо и на этом, – усмехнулся Михаил.

Геннадий Николаевич сказал правду. Тюрьма в Кировской области была образцовой, хоть и не «красной»¹. Год назад там поменяли все руководство за «превышение служебных полномочий». Местные сидельцы рассказали, что до этого в тюрьме был полный беспредел: пытки, изнасилования, убийства, наркотики. Даже воровские порядки не соблюдались, преступных авторитетов забили молодые отморозки новой криминальной волны. Несмотря на то что ГУИН² – одна из самых закрытых государственных систем, информация о беспорядках в этой тюрьме просочилась в печать и попала на глаза одному из ретивых правозащитников в Госдуме. Тот раздул скандал, была организована смешанная комиссия, и все г...но, которое тщательно скрывалось служебной тайной, вышло наружу в таком омерзительном виде, что шокировало даже работников прокуратуры, не говоря уже о широкой общественности.

Под контролем того же правозащитника из Госдумы в тюрьме навели идеальный порядок. Заключенных расселили в камерах по установленным санитарным нормам – не менее пяти квадратных метров на человека. Спали они на белоснежных простынях, питание строго по норме – сорок рублей в день на человека, в камерах идеальная чистота, книги, настольные игры, радио, в некоторых камерах даже телевизоры и холодильники, правда, за отдельную плату, баня раз в месяц, душ раз в неделю. Замначальника по режиму еженедельно спрашивал заключенных, есть ли какие жалобы. Одним словом, если бы не решетки и строгий режим – санаторий. Конечно, не как в Швеции, но для России – сказка.

Михаила, который прибыл в тюрьму в подавленном состоянии, эти порядки оставили равнодушными. Человек непритязательный, привыкший довольствоваться малым, он никогда не придавал большого значения атрибутам роскоши и уюта. Он много думал, благо времени для этого достаточно. Для чего живу? Этот вопрос он все чаще задавал сам себе. Ни кола, ни двора, один как перст. Катерина, Инга, Тамара – хорошие женщины и любили меня. Все ушло как в пучину. Это рок какой-то! А может, причина во мне самом?

Зэковская среда приняла Михаила настороженно. Видимо, слава о нем дошла уже до его приезда сюда. Его не трогали, обходили стороной. Вокруг него был как бы вакуум. Это его даже устраивало. Однажды один «клоун» в столовой пытался на него наехать. Сказал такое, за что по местным понятиям надо было сразу реагировать. Физически. Михаил аккуратно схватил его за средний палец и, используя его как рычаг, поставил обидчика на колени. Вся тюрьма затихла и наблюдала за происходящим. «Ты меня оскорбил, извинись», – тихо проговорил Михаил. «Братаны, это что ж такое!» – заверещал «клоун» на весь зал. Но братаны молчали, ждали. Михаил сильнее согнул палец и сказал уже громче: «Если не извинишься, сломаю палец. Считаю до трех. Раз, два...» Глаза его полыхнули жутковатым блеском. «Хорошо, хорошо, виноват, больше не буду», – завизжал «клоун». Михаил отпустил палец обидчика, спокойно пошел к раздатке за своей пайкой. Очередь одобрительно молчала.

Но авторитет Михаила резко поднялся после другого случая. Через несколько месяцев пребывания в тюрьме на него вышел Седой, «смотрящий», что по зонавской иерархии счи-

¹ Тюрьма, где содержатся только осужденные работники правоохранительных органов.

² Главное управление исполнения и наказания.

тается вторым после криминального авторитета. Это был седой рецидивист неопределенного возраста, тощий, без зубов, костистый, но крепкий. В начале беседы он, бесцеремонно прощупав взглядом Михаила, сказал:

– Не пойму я тебя. Не наш ты, но и не из сучьего племени. Чую нутром, не одна жизнь на твоей совести. Ты сам-то себя куда причисляешь?

– Никуда я себя не причисляю. Я сам по себе, – криво усмехнулся Михаил.

– Ладно, не хочешь, не говори, – сухо согласился Седой. – Дело у меня к тебе. Мы тут навели справки, да я и сам давно к тебе присматриваюсь... Мужик ты вроде правильный... и умный. Если сможешь в одном деле, то от нас тоже помощь будет, если что...

– Хорошо, говори дело.

– Стукачок завелся где-то рядом, а кто, голову ломаем, не можем найти.

– Подозрения есть?

– Да есть на несколько человек, только ведь надо наверняка знать, прежде чем колоть.

– Понял, надо вычислять.

– Надо, – убежденно кивнул головой Седой.

Михаил подумал несколько секунд.

– Как часто «кум» вызывает к себе зэков на беседы?

– Как правило, раз в неделю.

– Ты можешь давать мне списки всех, кого он вызывает?

– Организуем.

– Хорошо, думаю, месяца через два я вычислю.

Через полтора месяца Михаил назвал смотрящему имя агента, который был на связи у «кума». Это был тот самый «клоун», который наехал на него в столовой.

Седой, узнав имя стукача, удивленно покачал головой:

– Ты стопроцентно гарантируешь, что это он?

– Стопроцентно не гарантирует даже сам бог, но на девяносто процентов уверен.

Люди Седого наблюдали «клоуна» еще две недели и сами убедились в правильности вывода Михаила. После этого его пригласили на «сходняк». Заседали Седой и три его верных помощника. Решали, что делать со стукачом. «Порвать на куски, чтоб другим неповадно было», – горячился один из зэков. Мнения разделились. Двое были за то, чтобы ликвидировать стукача, двое, в том числе и Седой, – только припугнуть.

– А ты как считаешь? – обратился Седой к Михаилу.

– Я думаю, что вы все неправильно мыслите, – высказал свое мнение Михаил. – Ну, порвете вы его, а «кум» подберет себе нового, и вам опять надо будет его искать. Я предлагаю другое – поиграть с «кумом».

– Это как? – удивленно воскликнули зэки.

– А гнать через этого стукача «дезу», или, как вы говорите, «фуфло». Вот тогда «кум» будет выглядеть полным дураком.

– О! – поднял палец вверх Седой. – Вот что значит наука!

Из тюрьмы он провожал Михаила как родного.

– Куда поедешь? – спросил его старый рецидивист.

– Даже не знаю, – признался Михаил, – нет у меня никого.

– Слушай, – встрепенулся Седой, – у меня младший брат в Твери, пишет, разворачивает бизнес, какое-то охранное предприятие. Поезжай к нему. Я ему напишу. Он меня уважает, хотя я по жизни вот такой.

– Ну что ж, давай, все равно надо куда-то причаливать.

И вот уже третий год Михаил живет и работает в старинном русском городе. В Москву путь ему так и так заказан.

Валериан Алексеевич, брат Седого, был инженером-технологом на местном машиностроительном заводе. В середине девяностых, когда зарплату не только не повышали, но и не выплачивали, он, как и многие российские интеллигенты, бросился в пучину бизнеса. Ездил челноком в Москву, Питер, Турцию, торговал водкой и металлом, открыл салон по наращиванию ногтей, но прогорел – его главный спец, бывший врач-дерматолог, оказался мошенником: получив от шефа пятнадцать тысяч долларов на закупку оборудования в Москве, бесследно испарился.

Михаил приехал к неунывающему бизнесмену как раз вовремя. Валериан Алексеевич начинал организовывать частное охранное предприятие. Михаила он встретил радушно. По-видимому, рекомендации брата для него имели вес. Михаилу его новый шеф тоже понравился: оптимист, энергичен, набив синяков в первые годы своего предпринимательства, он стал более осторожным и расчетливым. Михаил отговорил шефа от создания ЧОПа³, предложив создать детективное бюро: «Этих ЧОПов сейчас как грибов после дождя. Это только на первый взгляд кажется – просто. Во-первых, оружие. Это такая морока! Во-вторых, нужны профессиональные охранники. У себя здесь мы их просто не наберем. В-третьих, все ЧОПы заключают сейчас договоры только на материально-компенсационной основе. Один прокол, и мы разорены. А детективные бюро – это невспаханная целина. Найдем двух-трех оперативников-пенсионеров, и дело пойдет. «Это что ж, за неверными супругами следить?» – поинтересовался Валериан. «Навряд ли, – успокоил его Михаил, – наш народ еще до этого не дозрел. Хотя, если честно, это наиболее легкие заказы».

Михаил оказался прав. За два года они выросли, окрепли, обросли жирком. Арендзуемый офис выкупили, прикупили еще три разъездные машины, подумывают о создании филиала в Москве. Михаил стал правой рукой Валериана Алексеевича. Во всех крупных делах тот советовался с ним, доверял ему наиболее серьезных клиентов. Михаил не раз останавливал шефа от юридически неграмотных шагов или от заманчивых в плане денег, но бесперспективных заказов.

– Привет пролетариям умственного труда! – Валериан Алексеевич влетел в кабинет Михаила как всегда стремительно и с улыбкой человека, только что выигравшего миллион.

– Здравствуй, Валериан. – Михаил оторвался от материалов по делу пропавшего рыбака, протянул руку для приветствия. – Как съездил в столицу?

– Отлично. Помещение подобрал, нанял юриста, он сейчас готовит документы на открытие филиала. У тебя что?

– Так, рутина, ничего особенного. Проанализировал еще раз дело рыбака. Пришел к выводу – утонул. Родственникам надо сказать, как лед вскроется, пусть нанимают водолазов.

– Да, я тоже так думаю. – Валериан сел в кресло, положил ногу на ногу, сцепил пальцы рук в замок, задумался на несколько секунд, устремив невидящий взгляд в орнамент линолеума на полу. Какой-то новый заказ, или слишком серьезный, или слишком авантюрный, понял Михаил, уже изучивший своего шефа.

– Есть заказ, Миш, – нервно вздохнул Валериан Алексеевич, – но необычный, такого у нас еще не было. – Шеф откинулся на спинку кресла, внимательно посмотрел на Михаила, будто видел его впервые. – Могу доверить только тебе.

– Если шансов на успех меньше пятидесяти процентов, то я пас.

– Шансов где-то пятьдесят на пятьдесят, но заказ крупный.

– Не подавимся? – насмешливо спросил Михаил.

³ Частное охранное предприятие.

– Нет, не должны. В Питер пришел груз на миллион долларов. Автозапчасти к иномаркам. По документам, груз прошел через границу, поступила электронная ГТД⁴, контейнер якобы отгрузили в порту, перевозчик отчитался, формально он чист, а груз пропал, испарился!

– Я понял. Сколько нам отстегивает заказчик?

– Тридцать процентов от стоимости груза.

– Ого-го! – задумчиво покачал головой Михаил. – В правоохранительные органы не обращались?

– Нет и не собираются.

– А вот это уже интересно.

Он внимательно посмотрел на шефа. Тот сидел нахохлившись, непривычно серьезный. Чувствовалось, что у него легкий мандраж. Оно и понятно. Дело-то скользкое. Какая-то фирмешка готова отвалить им триста тысяч баксов за контейнер обычных запчастей. И почему у себя в Питере они ни к кому не обращаются, там что, нет детективных бюро? Странно все это.

– А как они на тебя вышли? – поинтересовался Михаил.

– Не имей сто рублей... – самодовольно хмыкнул Валериан Алексеевич. – Ну что, возьмешься, Миша? Решай сам, я тебя не насилую. Я и сам чувствую, что здесь что-то нечисто.

– Что ж, попробовать можно, к грязи нам не привыкать. Но, если явное преступление, мы, естественно, отказываемся. Если можно обойти закон, мы его обойдем... не нарушая его.

Валериан Алексеевич повеселел, услышав положительный ответ, и уже начальственным тоном начал давать распоряжения:

– Значит, так, договор от заказчика по факсу пришел, я его подпишу, доверенность от меня Роза сейчас подготовит. Реквизиты заказчика и все детали я тебе завтра дам, утром зайди ко мне. Все свои дела сдай Самсонычу. Командировку выписывай недели на три и послезавтра выезжай. – Валериан Алексеевич встал из кресла, такой же оптимистичный и жизнерадостный, каким вошел в кабинет несколько минут назад. – Кого возьмешь с собой?

– Никого. Чем меньше посвященных, тем лучше.

– Хорошо, но если помощь понадобится, звони сразу. Давай, Миш, ни пуха!

⁴ Грузовая таможенная декларация.

Глава 2

В кабинете тишина. Только мерно тикают напольные часы размером с небольшой шкаф. Эти часы достались от прежнего хозяина кабинета. Таких часов уже давно не производят, можно сказать, раритет. Тихорецкому они понравились: в тишине рабочего кабинета часы настраивают на размеренный рабочий ритм.

В унисон часам жужжит вентилятор около рабочего стола. В кабинете два кондиционера, но Александр Юрьевич включает их только во время совещаний с большим количеством сотрудников. Не любит он эту технику.

На столе чашка душистого чая. К хорошему чаю его приучил покойный генерал Скобликов. Семь лет прошло после его смерти. Много изменилось за эти годы.

После того как убийца на автомашине сбил его в парке, Александр Юрьевич три месяца провел в больнице. Врачи «склеили» изуродованную ногу, но ее пришлось укоротить, слава богу, что не отняли. Теперь он обречен на всю жизнь ходить с тросточкой. Затем еще три месяца был реабилитационный период. После этого вопрос встал ребром – инвалидность либо сидячая работа с бумажками. Ни тот ни другой вариант его не устраивали. Он оперативник, и другой работы для себя не мыслит. Два генерала просили за него у директора ФСБ. Тот решил оставить его на оперативной работе, на прежней должности. Случай беспрецедентный!

А через полгода начальник Управления даже назначил его своим заместителем. Во время служебного расследования по делу Оборнова Тихорецкий проявил деликатность. Он ни разу никому не обмолвился о том, что заранее сообщал своему начальнику Управления о возможном предательстве Оборотня. Дело Оборотня оказалось в ряду самых громких дел о предательстве XX века – таких, как дело Люшкова⁵, Полякова⁶, Пеньковского⁷, Гордиевского⁸.

Изменилось положение в самих «органах». Прекратилось обливание их грязью, стал подниматься престиж органов госбезопасности, увеличилось их финансирование, прекратился отток кадров.

Конечно, и сейчас проблем хватает, но нет уже того разброда и смятения, которые царили в лихие девяностые годы. Органы контрразведки прочно встали на новые рельсы и стали надежно обеспечивать безопасность страны. Изменились и акценты в работе органов, появились новые направления деятельности.

Вот и сейчас Александр Юрьевич читает закрытую справку Счетной палаты о махинациях российских нефтяных королей, позволяющих оставлять скрытые доходы от продажи сырья за рубежом. За сухими колонками цифр проглядываются огромные суммы, которые не поступают в бюджет страны, а оседают на зарубежных счетах новых хозяев России. Правильно сказал Остап Бендер: «В России надо воровать помногу и открыто».

Зазвонил телефон оперативной связи. Тихорецкий поморщился, он же просил минут тридцать его ни с кем не соединять. «Александр Юрьевич, извините, – раздался в трубке испуганный голос его секретарши, – Кобецкий спрашивает вас, говорит, очень срочно». – «Хорошо, соедините». Александр Юрьевич отложил изучаемые документы на край стола.

– Александр Юрьевич, здравствуй, дорогой, звоню тебе как самому опытному оперативному начальнику в столице, – энергичным басом заговорил заместитель начальника Управления «БТ» Кобецкий.

⁵ Сотрудник НКВД, выдавший в 30-е годы японской разведке всю нашу резидентуру в Маньчжурии.

⁶ Генерал органов безопасности, сотрудник внешней разведки, который после войны раскрыл противнику всю нашу сеть агентов-нелегалов в Европе.

⁷ Передал противнику все наши секреты в области ядерного оружия.

⁸ Посол в Англии, выдал английской разведке наши секреты в области внешней политики.

– Здравствуй, Геннадий Николаевич, – вяло усмехнулся на шутливую лесть Тихорецкий.
– Александр Юрьевич, мне надо к тебе срочно подъехать. Информация горячая, даже горящая.

– Хорошо, подъезжай. Я на месте, жду.

– Минут через сорок буду.

С Кобецким они знакомы давно. Несколько лет назад тот был подчиненным у Тихорецкого, а теперь сам возглавляет серьезное оперативное управление. Толковый опер и хороший организатор. Звездной болезнью не страдает, не зазнался. Молодец! И что у него за дело? Судя по тону, что-то серьезное. Ладно, посмотрим.

Кобецкий приехал точно через сорок минут. Он несколько не изменился за последний год, такой же подтянутый, энергичный, вот только речь стала более размеренной и взвешенной.

– Как у тебя нога? – участливо спросил гость хозяина кабинета.

– Нормально, функционирует, – усмехнулся Тихорецкий, – и знаешь, Геннадий Николаевич, лучше всякого барометра: занует – жди непогоду.

– Здорово! А я ее затылком чувствую. Давление. Александр Юрьевич, – перешел на серьезный тон Кобецкий, – сегодня получил информацию от нашего закордонного источника: в Москве готовится крупная террористическая акция. Планируется на лето. Когда, кто, где – ничего не известно.

– Источник надежный?

– Да, источник проверенный, всегда давал нам информацию серьезную и достоверную. Но беда в том, что он узнал ее совершенно случайно и получить дополнительную информацию у него возможности нет.

– Организация?

– Неизвестно.

– Где ее искать надо?

– А черт ее знает! Организация террористов может быть где угодно. В Европе, Азии, на Ближнем Востоке. И у меня свербит подозрение, что кто-то в Москве уже работает. Придется все перелопачивать.

– Да уж, – вздохнул Тихорецкий. – Что у тебя есть на сегодня и чем я могу тебе помочь?

– Пока прошу единственное – дай ориентировку по своей сети. Акция готовится на вторую половину лета. Организаторы, возможно, из какой-то арабской страны.

– Не густо...

– Как только что появится, сразу дам тебе знать.

– Докладывал? – Александр Юрьевич выразительно показал глазами на потолок.

– Нет еще, сегодня поеду.

Тихорецкий его прекрасно понимал. Информация такого характера, даже непроверенная, докладывается сразу на самый верх. Вся работа по поиску террористов автоматически ставится на личный контроль директора ФСБ. Доклады по результатам поиска террористов идут еженедельно, а при реальной угрозе – ежедневно. И здесь уже ничего не прощается. В случае удавшейся акции террористов головы откручивают у всех, невзирая на ранги. Печальные опыты Беслана, Буденовска, других городов оправдывают такую жесткость.

– Геннадий Николаевич, все, что от меня зависит, сделаю, но, согласись, без хорошей агентуры, имею в виду внедренной, здесь не обойтись. Есть варианты? – Тихорецкий пытливо посмотрел в лицо Кобецкого.

– Есть, – задумчиво произнес коллега. – Ладно, Саш, спасибо за готовность помочь. – Кобецкий встал, на прощание крепко пожал руку Тихорецкому.

Глава 3

Из однокомнатной квартиры серого десятиэтажного дома, каких в Москве тысячи, вышел человек. Невысокого роста, сутуловатый, одет в дешевую куртку грязно-серого цвета, на голове серый беретик. В руках мужчины старомодный зонт с большой изогнутой ручкой и огромный желтый портфель под крокодиловую кожу. Такие портфели были модны в 70-е годы прошлого века. Они были обязательным атрибутом клерков солидных госучреждений и «паркетных» полковников в Москве. «Дипломаты» в то время были редкостью. С ними щеголяли начальники главков, сотрудники, побывавшие в загранкомандировках, или друзья и родственники работников торговых баз.

Человек быстрым шагом дошел до остановки, дождался грязного троллейбуса и проехал две остановки до станции метро. Он, как маленькая песчинка в песочных часах, привычно стиснутый со всех сторон такими же спешащими и озабоченными пассажирами «без лица», проехал несколько станций, после чего горловина подземки выплюнула его наружу. Он чуть-чуть отдышался и тем же быстрым шагом поспешил к своему учреждению.

Через семь минут человек открыл тяжелую дверь серого здания с несколькими вывесками, одно из которых сообщало, что в этой коробке находится научно-исследовательский институт геофизики. На третьем этаже он прошел к турникету, протянул заspanному вахтеру в стеклянной кабинке свой пропуск, вежливо, даже как-то заискивающе поздоровался: «Доброе утро». «Здрасьте», – буркнул хмурый вахтер, скользнул взглядом по лицу сотрудника института, не посмотрев на протянутый пропуск.

В конце коридора человек подошел к железной двери, открыл ее ключом и, войдя вовнутрь, сразу же отключил сигнализацию. Затем разделся, повесив куртку и беретик на вешалку, взглянул в зеркало и зачесал на голом яйцевидном черепе редкие седые волосы.

Через несколько минут подошли остальные сотрудники лаборатории. Девушка лет двадцати, высокая и гибкая, и молодой долговязый человек с прыщеватым лицом и сальными длинными волосами. Они подошли к своим шкафчикам, надели белые халаты.

После этого девушка прошла в кабинет начальник лаборатории.

– Иосиф Владимирович, что мне сегодня делать? Продолжать заниматься солнечными самозаряжающимися светильниками?

– Да, Марина. – Иосиф Владимирович оторвался от записей в журнале, внимательно посмотрел на молодую сотрудницу, которая в приталенном коротком халатике выглядела весьма эффектно. – Это внеплановая работа, но она в рамках институтского заказа, и нам могут за нее дать премию.

– А мы будем патентовать наше изобретение?

– Нет, зачем? Это слишком дорогое удовольствие, и потом, патент имеет смысл, когда можно что-то скрыть, какое-то ноу-хау, а у нас все открыто. Попробуем оформить хотя бы авторское. Как у тебя дела с диссертацией, Марина?

– Заканчиваю последнюю главу.

– Хорошо, как закончишь, покажи мне.

– Да, конечно.

– Скажи Артему, пусть подготовит наши аккумуляторы.

– Хорошо, Иосиф Владимирович. – Изящно развернувшись на каблуках, девушка вышла.

Экспериментальная лаборатория по изучению электромагнитных полей была секретной, хотя после сокращения персонала в НИИ секретов в ней не осталось. Иосиф Владимирович работает в этой лаборатории уже двадцать лет. С начала основания лаборатории в ней трудилось двадцать пять человек, в девяностые годы штат урезали до трех сотрудников и вопрос вообще стоял о ее закрытии. Но ее отстояли. Директор института лично обратился в правитель-

ство и в Российскую Академию наук. Лабораторию оставили с условием, что она кроме чистой науки будет работать над экономически перспективными проектами, а проще говоря, выполнять коммерческие заказы. Последние годы лаборатория держится на энтузиазме ее сотрудников. Марина работает в лаборатории, так как здесь она может писать свою диссертацию, Артем, студент политехнического института, подрабатывает на хлеб насущный. Почему задержался в лаборатории Иосиф Владимирович (зарплата-то смешная), одному богу известно.

– Как там Гиви? – поинтересовался Артем, когда Марина возвратилась к своему рабочему столу. Гиви – так за глаза молодые сотрудники зовут своего начальника. Сокращенное от «Губерман Иосиф Владимирович».

– Анализирует результаты нашего последнего эксперимента. Ты знаешь, он на меня сейчас так посмотрел, как будто увидел впервые.

– Мариночка, да в тебя восьмидесятилетний старик влюбится.

– Да ну тебя, Артем, опять за свое, – нахмурилась девушка, – принеси мне лучше аккумулятор.

Молодой человек был влюблен в Марину, и это главная причина, почему он продолжал работать в лаборатории за мизерную зарплату. Марина – умная, самостоятельная, будущий ученый и очень красивая. Но шансов у него практически никаких. Он это понимал и оттого чувствовал себя несчастным.

– Как ты думаешь, у Гиви была женщина? – спросил Артем Марину, поставив перед ней тяжелый аккумулятор.

– Не знаю. – Марина оторвалась от монитора и озадаченно посмотрела на молодого человека.

– А я думаю, что нет.

– Почему ты так считаешь?

– Я слышал, что он в молодости неудачно попытался перепрыгнуть через турникет в метро.

– Злой ты, Артем, – упрекнула его девушка, – он, кстати, очень умный...

– Что не мешает ему беспардонно пялиться на свою подчиненную, – мрачно хмыкнул Артем.

– Подожди, ты вот не знаешь, какой он ученый. Он мне один раз рассказывал такие вещи! Оказывается, наша земля – это огромный резервуар бесплатной электрической энергии. Ее надо только научиться брать. Не знаю, поймешь ли ты...

– Марина, – послышался из комнаты начальника дребезжащий голос Иосифа Владимировича, – подойди к телефону.

Девушка прервала свой рассказ, быстро прошла к телефонному аппарату. Она разговаривала по телефону минут пять на своем осетинском языке, поэтому ревнивый Артем ничего не понял из ее речи. Но он видел, как помрачнело лицо девушки, и, когда она положила трубку, поинтересовался:

– Случилось что?

– Дядя Сандро пропал, – растерянно сообщила Марина.

– Как пропал?

– Не знаю, уехал в горы и пропал.

– Может, я могу чем помочь? – участливо спросил молодой человек.

– Да чем ты сможешь? – вздохнула девушка и посмотрела в свой монитор невидящим взглядом.

Глава 4

С поезда Михаила сразу доставили на дачу Вячеслава Владимировича. Генеральный директор ООО «Авилон», грузный и рыхлый мужчина лет сорока, принял его как богатого, но дальнего родственника: настороженно и заискивающе. Михаил отказался от богатого ассортимента горячительных напитков, попросил только чашку зеленого чая.

Вячеслав Владимирович начал рассказывать о своей фирме, связях («... я ведь к губернатору запросто захожу...») и высоком рейтинге своего холдинга. Михаил молча слушал, вылавливая в потоке слов информацию, которая ему может пригодиться при расследовании. И зачем ты вызвал неизвестного детектива, да еще из другого города, размышлял он про себя, наверняка вляпался в какое-то дерьмо и хочешь, чтобы в Питере об этом никто не узнал.

– А вы действительно один будете работать? – поинтересовался Вячеслав Владимирович.

– Конечно, – подтвердил Михаил, – дайте мне только на первое время одного из ваших людей, кто потолковее...

– Да хоть десять.

– Нет, десять не надо, достаточно одного, кто хорошо знает криминальную обстановку в городе.

Из рассказа генерального директора Михаил узнал следующее. В Германии Вячеслав Владимирович закупил запчасти к автомобилям. Продавцу была сделана предоплата. Товар был доставлен морским путем в контейнере. В порту его отгрузили, и он ... исчез.

– Представляете, я весь на нервах, а портовые так спокойно: «Пропал, нету его...»

– Груз-то застрахован? – поинтересовался Михаил.

– Да, застрахован, а что толку. У меня сроки, контракты срываются, страховка не покрывает даже половину моих неустоек.

– Вячеслав Владимирович, – задумчиво посмотрел на коммерсанта Михаил, – а зачем вы купили запчастей на такую сумму, если у вас нет ни одного своего автосервиса?

– Ну, как же... – смешался Вячеслав Владимирович, – большая партия по очень выгодной цене, продам ее отечественным автомастерским, и у меня навар.

– А раньше вы не покупали автозапчасти для перепродажи?

– Н-нет, это первый раз, – покачал головой генеральный директор и вдруг нетерпеливо воскликнул: – Ну, и когда вы приступите? Помощника я вам дам самого лучшего, из особистов...

– Подождите, – предупреждая поднял палец Михаил, – я еще не решил, буду ли этим заниматься.

– Как? – Вячеслав Владимирович оторопело посмотрел на него. – Вы не должны отказываться, все-таки триста тысяч долларов.

– Вячеслав Владимирович, вот в такой ситуации, в которую вы меня сейчас ставите, я работать не буду.

– Что вас не устраивает? – Лицо хозяина кабинета вытянулось.

– Зачем вы гоните мне фуфло?

– Какое фуфло?

– У вас пропали не запчасти. Что за груз вы везли из Германии? – Михаил глядел в лицо генерального директора, прищурился взглядом, словно смотрел в прицел винтовки.

– Я... не понимаю. – Вся солидность слетала с мужчины, как старые листья с деревьев от сильного ветра. – Вы что, думаете, что я все это придумал?

– Вячеслав Владимирович, давайте договоримся – или вы мне говорите всю правду, или ... если вы и дальше будете впаривать мне легенду, подготовленную для соответствующих органов, я уезжаю, и между нами ничего не было.

Грузный мужчина молча походил по комнате со страдальческим выражением лица, затем плюхнулся в кресло напротив Михаила и нервно выдохнул:

- Ну, хорошо, там не запчасти, а сотовые телефоны.
- Сколько? – Михаил в упор смотрел в лицо собеседника.
- Двадцать пять тысяч.
- Ого-го! И какой товар? Серый, черный⁹?
- Серый¹⁰.
- Кто из ваших сотрудников знал об этой поставке?
- Кроме Андрея, моего ближайшего помощника, никто.
- Другие случайно могли узнать?
- Наверяд ли.
- Андрею доверяете?
- Как самому себе.
- А главбух? Как вы могли без него проплатить половину суммы?
- Я занял деньги у Сохатого, под проценты, а деньги провел через подставную фирму.
- Кто такой Сохатый?
- Местный криминальный авторитет.
- И ему вы скоро должны вернуть долг?
- Да. – Вячеслав Владимирович вздохнул и затравленно оглянулся.
- Сумму можете не говорить. Я и так чувствую, что без пропавшего товара она для вас неподъемная, так?
- Так.

Михаил встал с кресла, начал ходить по комнате, сосредоточенно думая. Вячеслав Владимирович все это время сидел, сгорбившись в кресле, сжав ладони между колен, и напряженно наблюдал за расхаживающим перед ним детективом. Михаил резко остановился перед коммерсантом:

- Вы подтверждаете свою готовность выплатить мне тридцать процентов комиссионных от стоимости возвращенного товара?
- Да, подтверждаю.
- Хорошо, я берусь за ваше дело.
- Значит, вы гарантируете, что... – Вячеслав Владимирович буквально выпрыгнул из кресла и впился взглядом в Михаила.
- Я ничего не гарантирую, – резко оборвал его детектив. – Если трубки из порта не вывезли, то шансы еще есть, а если вывезли, то все, ищи ветра в поле.
- Но мои ребята перекрыли все дыры в порту...
- А водный путь? Причалы вы перекрыли?
- Причалы-ы... – Вячеслав Владимирович озадаченно протянул это слово.
- Вот то-то и оно! – цокнул языком Михаил. – Значит, так, давайте мне вашего помощника, автомашину, но желательно не офисную, всю подробную информацию по этой операции и по товару, городской телефонный справочник. По порту ваши ребята дежурят?
- Да, денно и ночью.
- Нужно еще перекрыть все выезды из Питера. Это сложно, но другого пути нет. Если вор умный, то он товар будет вывозить небольшими партиями. Я прикинул, это тонн пять. Немного. Поэтому маленькие фуры, «Газели», выходящие из порта, надо сразу фиксировать и номера передавать на посты ГАИ. Денег на ментов не жалеите. И всю информацию, даже самую незначительную, сразу давайте мне. А я займусь портом.

⁹ Черный товар – товар произведенный незаконно и незаконно реализуемый (*жарг.*).

¹⁰ Серый товар – товар, произведенный законно, но реализуемый незаконно.

Гендиректор послушно кивал головой и напоминал прилежного, но глуповатого ученика перед строгим учителем.

– Вячеслав Владимирович, – виновато улыбнулся Михаил, – мне нужны деньги на накладные расходы, ну, тысяч десять в баксах... в счет моего гонорара.

– Конечно, конечно, я вам и так дам.

Вячеслав Владимирович подошел к сейфу, закамуфлированному под книжный шкаф, достал оттуда деньги, передал Михаилу пачку серо-зеленых банкнот, приятно оттягивающую ладонь.

– И еще, – внимательно посмотрел на него Михаил, – ищите у себя «крота».

– «Крота»? – удивленно воскликнул Вячеслав Владимирович.

– Человека, который вас предал. Мне кажется, кто-то из ваших сотрудников пронюхал об этой сделке и слил информацию вашему недоброжелателю.

Последующая неделя была для Михаила бешеной. С такой интенсивностью давно не приходилось работать. Он метался по городу, как гончая собака в лесу, ищущая единственный и неповторимый след. Достал распечатку всех грузов, поступивших в порт за последний месяц, опросил всех крановщиков в порту, завербовал начальника охраны порта и капитана милиции, курирующего порт, «установил контакт» с начальником ГАИ, вытряс душу из начальника таможенного поста, через который должна была произойти растаможка товара по подложным документам, проверил все СВХ¹¹ города, познакомился с местными барыгами, торговавшими левыми трубками. Следа не было. Вообще! Груз как в воду канул. Все, кого опрашивал Михаил или кого он вербовал, деньги брали охотно, но информация от них была бесполезная: либо не относящаяся к делу, либо основанная на личных домыслах и умозаключениях. Больше всего раздражал Вячеслав Владимирович. Он звонил Михаилу по нескольку раз в день. На третий день Михаил не выдержал и отчитал его: «Вячеслав Владимирович, вы хотя бы соблюдайте элементарную конспирацию. Вас ведь могут прослушивать. И потом, то, что двадцать человек из вашей Службы безопасности не могли сделать за полмесяца, я один не могу сделать за три дня. Не звоните мне больше по пустякам. Как что появится, я вам сразу дам знать».

Удача, как это часто бывает, пришла с неожиданной стороны. Помог профессиональный навык разведчика. Как-то он зашел в пивную, официально именуемую кафе-бар «Морской волк», а в народе обозванную просто – «рыгаловка». Это был его третий заход. «Машенька, привет, мне, как всегда, кружечку балтийского», – бросил Михаил с ходу знакомой барменше. Пока Машенька, чистого веса пудов семь, наливала заказанное пиво, он осмотрел зал. Все столики заняты. Публика разношерстная: портовые рабочие, моряки, проститутки, студенты, карманники. Взглядом Михаил зацепился за двух мужчин. Одеты просто, но опрятно, держатся солидно, судя по поведению местные, портовые... Взяв пиво у Машеньки, он сразу направился к выбранному столику.

– Извините, ребята, не помешаю, все столики заняты?

«Ребята» скользнули взглядом по незнакомцу: модные джинсы, заграничная кожанка, под рубашкой морской тельник – моряк.

– Садись. – Пожилой мужчина с усами передвинул тарелку с остатками пищи на середину стола и повернулся к своему молодому товарищу, продолжая прерванный разговор.

Михаил кивнул в знак благодарности, сел за столик, отхлебнул пиво. На столе у его соседей недопитое пиво в кружках, чипсы, салатки, пустая водочная бутылка. Хорошо, подумал он, попробую раскрутить.

¹¹ Склад временного хранения. На нем временно хранятся под таможенным контролем грузы, прибывшие из-за границы и не прошедшие таможенную очистку.

– ... Это сейчас, Егор, подъемники, электрокары... – объяснял усатый докер своему молодому коллеге, – а тогда ведь ничего этого не было, все на своем хребте. А бить восьмой ряд¹² – это не каждый может. Здесь не сила нужна, а ловкость. Был у нас в бригаде такой, Санек. Рост – метр шестьдесят с кепкой, но это докер! Не докер, а дока! Мешок муки, шестьдесят килограммов – на восьмой ряд как пушинку, а это – метр восемьдесят. Ну, и пить мастак: литр выжрет, и хоть бы что, идет работать. А, кстати, у нас что, уже ничего? – Рассказчик с сожалением повертел пустую бутылку.

– Мужики, – Михаил понял, что сейчас наиболее подходящий момент, – нужна консультация, вы ведь в порту работаете?

– В порту, – сдержанно подтвердил усатый.

– В общем, так. – Михаил отодвинул в сторону свою кружку и облокотился на край стола: – Машина у меня приходит из Германии, где-то дня через три, почти новая. А у меня через неделю рейс выгодный, отказаться нельзя.

– Ну, а мы тут при чем? – сухо осведомился усатый докер.

– Так я же не случайно спросил, не из порта ли вы. Схватить бы ее надо на месячишко, где-то здесь в порту, так, чтоб ни одна живая душа...

– Какие проблемы? Засунь на СВХ, и все дела... – воскликнул молодой.

– Да нет, здесь ведь что, – терпеливо объяснял Михаил, – толкнуть я ее хочу, а товарищ, с которым я по этому делу сговорился, тоже в отъезде. Мне бы ее надо на месяц, как вольная гавань¹³.

– Не знаю, мы тут не спецы, – скептически выпятил нижнюю губу пожилой.

– Мужики, вы мне только организуйте или хотя бы дайте наводку, плачу сразу пятьсот баксов. Ну, а за хранение, само собой, отдельно...

Пожилой сидел с непроницаемым лицом, зато у молодого парня глазенки загорелись: зацепило.

– Значит, так, давайте-ка я что-нибудь возьму. Я чувствую, вы мужики деловые и сможете мне помочь. – Михаил встал из-за стола, пошел к буфету.

Пока Машенька готовила ему заказ, он по своему хитрому телефону прослушивал разговор своих соседей. Микрофон он заранее прилепил под крышку стола.

– ... Чего ты, Палыч, – возбужденно говорил молодой, – свезем его к Прохору и все, дальше уже не наша забота. Пятьсот баксов ни за что! Мне месяц за эти деньги горбатиться надо.

– Ты Прохора не знаешь, а я знаю. У него что не так, разговор короткий – «перо» в бок!

– Да чего ты, Палыч! Если уж что не так, то «перо» этому моряку...

– Да моряк он какой-то странный, вот чувствую, что-то не так в нем. Нет, я пас.

– А я возьмусь, – с вызовом выпалил молодой, – мне бабки нужны.

– Смотри, дело твое. Я тебя предупредил.

– Ну что, мужики, я думаю, по сто пятьдесят лишними не будут. – Михаил поставил на стол бутылку «Гжелки» и гору горячих ароматных чебуреков на широкой тарелке, сразу вызывающую слюноотделение.

Пожилой выпил рюмку и ушел, сославшись на какие-то срочные дела, зато молодой Егор угощение принял с удовольствием. Водка развязала ему язык. Он рассказывал своему новому знакомому про свою работу, порт, а уже в конце трапезы пьяным шепотом сообщил Михаилу, что в порту есть бункер, заброшенный военный склад еще со времен войны. О нем мало кто

¹² Укладывать вручную груз (мешок, ящик) на верхний восьмой ряд (*жарг.*).

¹³ Практика многих стран, когда товар прибывает в порт и находится там без таможенного оформления, если не выходит за границу порта.

знает, и Егор сам не знает, где этот склад, но на нем якобы прячут все ворованное с территории порта.

Выйдя из таверны, Михаил и Егор расстались друзьями. Михаил дал молодому докеру в качестве аванса сто долларов, после чего тот пылко заверил его, что «все будет в ажуре».

На следующий день Михаил посетил музей порта. Здесь снова повезло. Гидом, сторожем и одновременно хранителем музея оказался сухонький опрятный старичок со сморщенным лицом. Одетый в старую флотскую форму, с орденской колодкой на груди, он сам был музейным экспонатом.

Михаил без труда разговорил старичка, задав ему несколько вопросов по экспонатам. Заметив неподдельный интерес посетителя к истории порта, старичок стал рассказывать о том, как порт работал в довоенное время и во время войны. Узнав, что он участвовал в обороне Ленинграда, Михаил обрадовался и сообщил музейному работнику, что пишет документальную книгу об обороне Ленинграда и был бы весьма благодарен, если бы Иван Касьянович, так звали старичка, поведал ему, что тут происходило в начале войны. Иван Касьянович, истосковавшийся по заинтересованному слушателю, часа два рассказывал ему о событиях, происшедших в осажденном городе в начале войны. После этого они пошли пить чай.

– Иван Касьянович, – приступил во время чаепития к главной цели своего визита Михаил, – я – бывший военный...

– А я это уже понял, – солидно кивнул головой старичок.

– Так вот, я люблю по возможности писать достоверно и точно. Не могли вы мне рассказать о системе фортификационных сооружений в сорок первом здесь, на территории порта?

– А вот тут, молодой человек, вы попали точно по адресу. – Иван Касьянович торжественно направил указательный палец на гостя, затем выскочил из-за стола и торопливо проговорил: – Посидите-ка тут немного, сейчас я вам кое-что покажу.

Он убежал в соседнюю комнату, возвратился минут через десять, измазанный в архивной пыли, но довольный. Бережно разложил на столе пожелтевший от времени лист бумаги, на котором была нанесена план-схема ленинградского порта. Документ был датирован 1941 годом. Михаил еле сдержал себя, чтобы не подпрыгнуть от радости.

– Вот смотрите, – начал объяснять схему Иван Касьянович, – это береговая линия, это грузовые причалы, здесь располагались доты, это каменный форт, где стояли дальнобойные орудия. Конечно, Кронштадт прикрывал, это была первая линия обороны, а здесь как бы вторая...

– А где были военные склады на территории порта?

– Основной был здесь, тут хранились боеприпасы...

– Это, кажется, за нефтяными терминалами?

– Ну да, да... а вот здесь пытались прорваться диверсанты, это было глубокой осенью.

– Иван Касьянович, а сейчас что на этом складе?

– Сейчас? – Старик удивленно посмотрел на Михаила. – Да ничего. Там раньше был продовольственный склад, а потом его закрыли совсем, заливают водой, когда большая волна...

– А не могли бы вы дать мне копию этого плана? – внутренне напрягшись, попросил Михаил.

– Ну... я не знаю, – внимательно посмотрел в лицо гостя старик, – это ведь секретный план.

– 1941 года? – усмехнулся Михаил.

– Ну да, сорок первого. Ну, он, того... тогда это был самый секретный документ в городе, а сейчас... не знаю даже. – Старик продолжал колебаться.

– Иван Касьянович, – с пафосом обратился к осторожному хранителю музея Михаил, – я пишу книгу прежде всего для нашего молодого поколения, которое о войне ни черта не знает.

Мы должны донести до них всю правду о войне, и это надо делать по возможности объективно и точно.

– Хорошо, – блеснул по Михаилу влажным взглядом старик, – я сейчас сделаю вам ксерокопию.

В тот же день Михаил нашел заброшенный склад. Однако он оказался и не совсем заброшенным. На склад вела накатанная дорога. На ржавых воротах висел новый замок. Михаил понял, что он на верном пути. Принес спальный мешок, в кустах устроил наблюдательный пункт и стал терпеливо ждать. Так он пролежал восемь часов. Смеркалось. Вскоре терпение Михаила было вознаграждено. В сумерках к складу на «Ниве» подъехали двое мужчин. Они оглянулись вокруг, не заметив ничего подозрительного, открыли ворота, занесли внутрь склада какие-то коробки. Через пять минут уехали. Все это Михаил зафиксировал на свой сотовый телефон.

Остальное было делом техники. Ночью Вячеслав Владимирович, Михаил и его начальник службы безопасности проникли на территорию склада. Здесь было как в пещере Али-бабы и сорока разбойников: в огромном бункере хранились импортные телевизоры, холодильники, компьютеры и даже новенькая «Хюндаи», уже наполовину разобранный на запчасти. Искомый контейнер с сотовыми телефонами стоял здесь же. Вячеслав Владимирович от радости прыгал вокруг него как ребенок, нашедший любимую игрушку.

Через два дня во время засады, организованной капитаном милиции, завербованным Михаилом, были пойманы с поличным те же двое мужчин, которых засек Михаил. Позднее, как он узнал, была накрыта вся мафия, в которой участвовали и сотрудники порта. Расследование было эффективным и громким. Довольны остались все: руководство порта, для которого постоянные кражи в порту стояли костью в горле, директор фирмы «Авилон», спасший не только свою фирму, но и свою шкуру, капитан милиции, получивший награду и досрочно очередное звание. В проигрыше оказался, разумеется, Прохор и его покровители.

На следующий день Михаил пришел к Вячеславу Владимировичу за гонораром. Тот, опять значительный и солидный, покровительственно похлопал его по плечу и широким жестом высыпал на стол доллары: «Получай триста тысяч, заработал честно». Михаил с неприкрытым лицом подошел к столу, посмотрел на них, сжав губы, покачал головой и жестким взглядом уперся в лицо Вячеслава Владимировича.

– Что-то не так? – удивленно воскликнул генеральный директор.

– Вячеслав Владимирович, уговор был на тридцать процентов комиссионных, – сухо объяснил Михаил, – я вам вернул товар стоимостью семь миллионов долларов, поэтому вы должны выдать мне комиссионные в размере два миллиона сто тысяч долларов.

– Но это грабеж! – возмутился Вячеслав Владимирович. – Триста тысяч долларов за неделю работы – хорошая плата...

– Сядьте! – жестко приказал Михаил коммерсанту.

– Что?!

– Сядьте сюда! – Глаза Михаила блеснули таким нехорошим блеском, что Вячеслав Владимирович невольно подчинился и сел в кресло. Михаил сел напротив него.

– Если вы деловой человек, то слово свое должны держать, – ровным голосом начал объяснять он. – Это во-первых. Во-вторых, с учетом того, что маржа¹⁴ с единицы товара у вас составит не менее ста долларов, то чистую прибыль по этой сделке вы получите около трех миллионов. В-третьих, если бы я не нашел товар, то его скоро отправили бы из порта в другие города, а вас, вернее ваш труп, вывезли бы в лес на безымянную могилку. И, в-четвертых, вы нарушили статью 88 Уголовного кодекса Российской Федерации – контрабанда, а это, как минимум, два года лишения свободы.

¹⁴ Чистая прибыль в виде разницы между ценой покупки и ценой продажи товара.

– У вас нет доказательств! – запальчиво воскликнул Вячеслав Владимирович, и лицо его стало пунцовым.

– Почему же? Есть, – спокойно возразил Михаил и, достав из кармана диктофон, включил его:

«...Да, я дал команду пропустить груз Вячеслава Владимировича без досмотра, – говорил хриплый голос начальника таможни.

– Сколько вам заплатил Вячеслав Владимирович за услугу? – спрашивал Михаил.

– ...

– Я повторяю: сколько он вам заплатил?

– Пятьдесят тысяч.

– Чего?

– Долларов...»

Михаил отключил диктофон. Спокойно и внимательно посмотрел в лицо бизнесмена.

– С-сука... – прошипел генеральный директор.

– Если этот комплимент относится к начальнику таможни, то вам видней, вы его лучше знаете. – Михаил спрятал диктофон в карман. – Ну что, разойдемся как джентльмены, или использовать крайние меры?

– Но у меня нет сейчас таких денег, – подавленно выдохнул Вячеслав Владимирович.

– Сколько вам нужно времени, чтобы собрать?

– Недели две...

– Три дня, – отрубил Михаил. – Через три дня вы получаете предоплату, три миллиона у одной очень крупной фирмы.

– Вы и это знаете?! – изумленно воскликнул коммерсант.

– Профессия такая, все знать, – усмехнулся Михаил.

– Хорошо, приходите через три дня, – хмуро пробурчал генеральный директор ООО «Авилон».

Глава 5

Разговор в кабинете директора НИИ геофизики шел тяжелый и крайне неприятный для хозяина кабинета.

– Станислав Файвелевич, я хочу выяснить один вопрос: каким образом секретные карты сейсмоопасных участков нашей страны, хранящиеся в вашем институте, попали к американцам? – Жесткий взгляд майора ФСБ Лемешева «прилип» к круглому и сейчас красному лицу руководителя института.

– Видите ли, Николай Петрович, у нас существует многолетнее сотрудничество с научным географическим обществом США. И по договору о взаимном обмене научной информацией мы, по согласованию с РАН, передали эти карты. Что касается секретности, то они секретными давно уже не являются. Схема таких участков была как-то напечатана даже в журнале «Вокруг света». – Директор НИИ вытер платком пот с лица. – Да и сами эти карты уже давно устарели и не представляют большой научной ценности. . .

– Уважаемый Станислав Файвелевич, – прервал объяснения ученого оперативник, – во-первых, гриф секретности с документов снимается только с нашего разрешения, а точнее, восьмым Управлением ФСБ, и вы это знаете, во-вторых, американцами были получены последние результаты наблюдений наших сейсмологических станций, а это уже, как минимум, служебная тайна. В-третьих, с учетом того, что сейчас разрабатывается проект прокладки нового международного газопровода на юге страны, то такая информация представляет уже и коммерческую ценность. В связи с этим передача таких карт нашему основному конкуренту на мировом рынке выглядит, по меньшей мере, как преступная халатность, а если это было сделано с умыслом, то это уже можно квалифицировать как. . .

В кармане майора Лемешева загудел зуммер сотового телефона. Он недовольно достал телефон с намерением сказать абоненту, чтобы тот перезвонил через несколько минут, но, увидев номер, тут же ответил на вызов:

– Слушаю вас, товарищ генерал.

– Ты сейчас где, Николай Петрович?

– В НИИ геофизики, у руководства. Разбираюсь с этой проблемой по сейсмологическим картам. Я вам докладывал, если помните. . .

– Да, да, я понял. Ты мне срочно нужен. Заканчивай побыстрее и приезжай ко мне. Машину я тебе сейчас вышлю.

– Хорошо, товарищ генерал.

Николай Петрович положил телефон в карман, задумчиво посмотрел на директора института.

– Значит так, Станислав Файвелевич, напишите мне подробную справку по этому вопросу. Очень подробную, это в ваших интересах. И подготовьте мне копии всех документов, которые вы выслали американцам. Если будете правильно себя вести, то, возможно, мы не станем возбуждать уголовного дела. – Николай Петрович встал из-за стола, сурово сжал губы, кивнув головой на прощание и вышел из кабинета. После последних слов Станислав Файвелевич побледнел и нервно приложил платок к взмокшему лбу.

В кабинете замначальника Управления ФСБ по городу Москве и Московской области находился незнакомый Лемешеву мужчина лет сорока пяти, поджарый, с властным взглядом. Вероятно, у него был достаточно высокий ранг: он сидел в кресле генерала Тихорецкого, нога на ногу, небрежно покачивал носком начищенного до блеска ботинка и курил.

– Майор Лемешев Николай Петрович, один из опытейших наших сотрудников, имеет боевой опыт, – представил Тихорецкий своего сотрудника гостю.

Мужчина встал с кресла, внимательно окинул взглядом спортивную фигуру Лемешева, подошел к нему, протянул руку: «Кобецкий!» Такое представление он посчитал, видимо, достаточным.

– Где воевали? – спросил он Лемешева.

– Афганистан, Чечня, в первую войну.

Гость удовлетворенно кивнул, затем повернулся к Тихорецкому:

– Александр Юрьевич, а чего он у тебя в майорах засиделся? «Паркетных» полковников по Москве как собак нерезаных, а боевой офицер – майор.

– Уже послали на представление, Геннадий Николаевич, – сообщил замначальника управления.

Гость второй раз удовлетворенно кивнул и вернулся на свое место. Новость о предстоящем повышении в звании была для Лемешева неожиданной, но она не успела его удивить или обрадовать, так как мозг сверлила другая мысль: зачем его вызвали сюда. Он вспомнил: Кобецкий – это замначальника управления «БТ», главной структуры в стране, которая непосредственно занимается борьбой с терроризмом.

– Присаживайся за стол, Николай Петрович, – сказал Тихорецкий, вышагивая по своему просторному кабинету. – Ты поступаешь в распоряжение оперативного штаба генерала Кобецкого, – без обиняков начал вводить он в курс дела своего подчиненного, – в ближайшее время поедешь в среднесрочную командировку на Кавказ. Сразу предупреждаю, будешь там работать в условиях, приближенных к боевым. Поэтому спрашиваю: есть ли у тебя какие-либо личные обстоятельства, препятствующие твоему выезду в командировку?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, произнес про себя Лемешев. Поворот событий, самый обычный для любого оперработника, его не удивил, но огорчил. Отпуск накрылся медным тазом, путевку в санаторий придется сдать. Эх, и попилит жена! И потом, «среднесрочная командировка» – довольно резиновое понятие. В новой квартире работы непочатый край, но это не есть обстоятельство. Мать больная. Ну, так что, она же официально не на иждивении сына.

– Нет, – кратко ответил Лемешев.

– Николай Петрович, – внимательно посмотрел на подчиненного Тихорецкий, – я знаю, что ты два года уже не был в отпуске и что у тебя на руках путевка в санаторий, но ... обстоятельства, – обескураживающе развел он руки в стороны.

– Товарищ генерал, разрешите уточнить один вопрос, раз уж такой разговор зашел. – У Лемешева еще теплилась надежда. – Вы знаете, что я разбираюсь с серьезной проблемой в НИИ геофизики и, кроме того, у меня на финишную прямую вышло ДОР¹⁵ «Лиходей». Лучше меня никто не знает нюансов этого дела. И еще. Я что, единственный, кто имеет боевой опыт?

– Товарищ майор, – Тихорецкий перешел на официальный тон, – если я остановил свой выбор на вас, то это не потому, что вы мне нравитесь или не нравитесь. Вы – единственный в управлении специалист-взрывник. Это важно для предполагаемой работы. Во-вторых, ты работал на Кавказе, знаешь менталитет местных жителей. Это тоже имеет значение. А что касается твоих дел здесь, то... пусть поработает твой начальник отделения. А то он любит жаловаться, что его подчиненные недостаточно оперативны, вот пусть и покажет *свою* оперативность. Тем более что, как ты говоришь, твои разработки идут к финишу.

Лицо Лемешева сделалось деревянным. Он понял, что вопрос по его кандидатуре решен окончательно.

– Николай Петрович, – воткнулся в возникшую паузу Кобецкий, – нам действительно понадобится ваша подготовка взрывника. И не просто взрывника, а узкого специалиста. Что вы знаете о вакуумных бомбах?

¹⁵ Дело оперативной разработки (проф.).

– Это изделия, работающие на «высасывающем» эффекте. При взрыве в радиусе действия бомбы воздух выжигается и образуется вакуум, разрежение как в космосе. Человека или животное просто разрывает, а материальные объекты почти не разрушаются. Эти бомбы есть в некоторых странах, в том числе и в США, но они запрещены конвенцией...

– Все правильно, но этот запрет только для государственных военных структур, а для бандитов запретов нет, – усмехнулся Кобецкий. – У нас возникли подозрения, что эти бомбы сейчас есть на Кавказе и даже испытываются кем-то.

– Как они туда попали? – удивился Лемешев.

– Вы ведь имели с ними дело в Афганистане? – вопросом на вопрос ответил Кобецкий. Заметив замешательство майора, усмехнулся. – Можете не отвечать. Это уже не важно. Важно то, что они как-то попали на Кавказ. Увы, слишком много было бардака при развале советской империи, а наши военные – люди небогатые... Но об этом потом. Вы можете приехать к нам завтра на совещание в пятнадцать часов?

– Может, – утвердительно ответил Тихорецкий вместо своего подчиненного. – Николай Петрович, завтра к обеду сдай все дела своему начальнику...

– Спасибо, Александр Юрьевич. – Кобецкий встал из-за стола. – Вы нам очень помогли. – Он протянул на прощание руку Лемешеву: – До завтра.

После ухода гостей Лемешев тоже встал, ожидая, когда замначальника управления отпустит его, но тот не торопился.

– Присядь, – коротко попросил он Лемешева, сам сел напротив него. – Получена информация о серии готовящихся взрывов в Москве. След тянется с Кавказа. Но об этом никому ни слова. Тебе на связь будет передан наш агент из среды террористов. Это пока наш единственный козырь в игре с ними. Будь аккуратней: сожжем его – вся наша игра коту под хвост. Своим ребятам в отделении скажи, что едешь в отпуск на юг. Путевку не сдавай, жену отправь в санаторий. А с твоим начальником я сам поговорю. Все, вопросы есть?

– Нет, Александр Юрьевич.

– Будешь непосредственно подчиняться Кобецкому. Я его знаю, с ним работать можно. Он мужик жесткий, но правильный.

Тихорецкий встал из-за стола. Лемешев тоже поднялся.

– Ну что, Николай Петрович, – крепко пожал майору руку генерал, – сработаешь там хорошо, будет повышение, и не только по званию. Желаю успеха.

– Спасибо, товарищ генерал.

Выйдя из кабинета начальника, Лемешев почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Это ощущение всегда возникало в нем перед серьезным боем.

Глава 6

Михаил выжимал из старого «фордика» все, на что тот был способен. Стрелка спидометра колебалась в диапазоне сто сорок – сто пятьдесят километров. Торопиться особенно было некуда, но он специально держал такую скорость: так легче выявить «наружку» или преследование.

«Форд» этот он купил на станции техобслуживания по наводке капитана милиции, которого он завербовал в целях своего расследования в Питере. Разбитной парень с золотыми фиксами, показывая машину, коротко обозначил сумму сделки: «Десять. Продаю себе в убыток, только как другу моего друга». Михаил осмотрел машину. Цена была явно завышена. Он проехал на «Форде» несколько сотен метров. Движок работал хорошо, видимо, его недавно перебрали, но машина была старая даже для России – семь лет. Минут десять Михаил въедливо торговался, выторговал пятьсот долларов. Он делал это не потому, что ему было жалко денег: продавец не должен заподозрить в нем богача. Под конец торга Михаил признался, что у него только девять тысяч долларов. Продавец болезненно поморщился и махнул рукой: «Ладно, тогда я заберу магнитола».

А причина такой скарденности у Михаила была серьезная. В багажнике у него лежал туристический рюкзак, под завязку набитый долларами – два миллиона. На директора фирмы «Авилон» жалко было смотреть, когда он отрывал от сердца эти два миллиона. Но деваться ему было некуда, на крючке у Михаила он сидел прочно.

Пять часов утра. Светает. Дорога пустынная. Это хорошо. Он отъехал от Питера пятнадцать километров. Пока ничего подозрительного. Но это пока! Если на него будет охота, то шлепнут его где-нибудь посередине пути. А желающих поохотится за ним предостаточно. Во-первых, люди Вячеслава Владимировича. А чего? Коробочка из трех машин, в каждой по стрелку, и он ничего сделать не сможет. Он сам не раз устраивал такую охоту. Во-вторых, люди Прохора. В порту он засветился, и информация по нему наверняка дошла до главаря бандитов. А зуб на него Прохор имеет большой. И, наконец, менты. Он не питает иллюзий, что все работники милиции сплошь честны и благородны. Вот менты-то, пожалуй, самое серьезное, потому как система! Ч-черт, мысленно выругался Михаил, у меня даже ствола нет!

Думай, Миша, думай, приказал он сам себе, останавливаясь на обочине дороги. «Компьютер» работал в усиленном режиме, просчитывая все возможные варианты. Постепенно план созрел.

Михаил не спеша выехал на трассу. Через несколько минут в тумане показалась автозаправочная станция. Он подъехал к заправке, залил тридцать литров бензина и заполнил еще двадцатилитровую канистру. У заспанной буфетчицы поинтересовался, как лучше доехать до Бологого. «А я почему знаю?» – буркнула буфетчица. Зато заправщик объяснил ему, как лучше доехать до нужного населенного пункта. Все это Михаил делал для подстраховки, на случай, если преследователи уже идут по его следу. После автозаправки он свернул на калужскую дорогу, проехал километра три, пока не нашел подходящего оврага. Выйдя из машины, вылил бензин из канистры в салон автомобиля, закурил, хотя никогда не курил, подтолкнул автомобиль к оврагу по наклону и бросил окурочек в салон. «Форд» вспыхнул факелом. Он не стал дожидаться, когда машина догорит.

Через сорок минут на московской трассе стоял турист: в ветровке, брезентовой кепке, в кроссовках, в руках посох, за плечами огромный синий рюкзак. Мало ли туристов по стране, которые ездят гоп-стопом?

Он останавливал машины с одним водителем. Через десять минут, к его удивлению, остановился «Москвич 2141», за рулем которого была молодая девушка. Михаил нагнулся к окошечку: «Мне до Москвы».

– Садитесь, – приветливо улыбнулась она.

– У вас в багажнике место есть?

– Да, сейчас открою.

Увидев, с каким трудом Михаил положил рюкзак в багажник, девушка поинтересовалась содержимым рюкзака.

– Деньги, – коротко пояснил Михаил, хитро улыбнувшись.

– И много?

– Несколько миллионов. – Ослепительная улыбка еще больше осветила лицо пассажира.

– Первый раз вижу живого миллионера, – засмеялась девушка над шуткой.

Через несколько минут познакомились.

– Марина, не боитесь? Посадили незнакомого мужчину, а вдруг он грабитель или насильник?

– Нет, вы не похожи ни на грабителя, ни на насильника, – внимательно посмотрела на своего спутника девушка.

Какие у нее глаза, поразился Михаил, огромные, а зрачки как спелая вишня. На ближайшем посту ГАИ их остановил молодой сержант.

– Нарушаем? – казенным, но еще не отработанным голосом констатировал страж дороги.

– Как нарушаем?!

– За триста метров был знак, ограничивающий скорость до шестидесяти, а у вас все сто было.

– Не было никакого знака, – упрямо мотнула головой девушка.

– Подожди, Марина, – остановил ненужную перепалку с гаишником Михаил. – Командир, может, и был знак, но вы же понимаете, такая видимость, что за тридцать метров ничего не видно.

– Тем более нельзя ехать с такой скоростью. – Сержант был неумолим. – Предъявите-ка документы, и вы тоже, гражданин, – обратился он к Михаилу.

У того все похолодело внутри. Ну что, Миша, влип? Включили «Перехват»¹⁶.

– Командир, что мы будем ерундой заниматься. – Михаил старался говорить солидно и убедительно. – Вы же видите, кто едет в машине. Документы у нас в порядке, но мы, правда, немножко торопимся. Вот, возьмите за труды праведные и отпустите нас, Христа ради. – Он протянул сержанту двадцать долларов.

– Ну, хорошо, – гаишник старался выдержать солидность, – только аккуратней, через двадцать пять километров еще будет пост ГАИ.

– Поехали, – коротко приказал Михаил Марине.

Несколько минут ехали молча.

– А вы кто по профессии, Миша? – неожиданно спросила он.

– Детектив.

– Да уж, – воскликнула девушка, – то вы миллионер, то детектив.

– Да нет, я действительно детектив.

– Правда? Как Шерлок Холмс?

– Ну, что-то типа этого.

– Хорошо, Шерлок Холмс, а вот что вы про меня можете сказать? – Марина хитро посмотрела на Михаила.

– За точность не ручаюсь, но приблизительно можно предположить следующее: ты студентка или аспирантка, возраст двадцать три – двадцать пять, сама не москвичка, а с Кавказа, возможно, из Осетии, у тебя нет отца, а сейчас тебя мучает какая-то проблема...

¹⁶ Операция «Перехват» практикуется с целью задержания разыскиваемых преступников правоохранительными органами на маршрутах их возможного передвижения.

– Здорово! Все в десятку! Ну, хорошо. То, что я с Кавказа, можно догадаться по произношению, но как вы угадали остальное?

– Секрет фирмы, – усмехнулся Михаил.

– Какой секрет?

– Просто природная наблюдательность и жизненный опыт.

– А сколько вам лет?

– Сорок семь.

– Да-а? А я думала, больше...

– Как это? – возмутился Михаил.

– А, испугались, – залиvisto засмеялась девушка, – да нет, конечно, по внешнему виду вам можно дать, самое большее, лет сорок. Просто у вас взгляд такой...

– Какой?

– Ну... такой печальный и мудрый, как у древнего мудреца. Вы, наверное, много в жизни пережили?

– Да, пришлось, – вздохнул Михаил. – А у тебя есть друг? – неожиданно спросил он.

– А вы как думаете, Шерлок Холмс?

– Я думаю, нет.

– Правильно.

– А почему?

– Понимаете, Миша, я до восемнадцати лет воспитывалась в осетинской деревне, у дяди Сандро. У нас нравы строгие, а здесь парням нужно только одно, причем они это даже не скрывают. Ну, в общем, я несовременная, – подытожила свое объяснение Марина.

– Понятно, – Михаил положил свою руку на руль и предложил: – Давай я поведу, а то ты уже устала.

– Хорошо, – охотно согласилась девушка, – только я немного подремлю, не выпалась, – и она виновато улыбнулась.

Девушка действительно, как только села на пассажирское место, сразу уснула. Крепкая нервная система, поразился Михаил.

Перед Москвой Марина снова села за руль. Минут десять она о чем-то сосредоточенно думала, даже нахмурила брови, затем неожиданно произнесла:

– Миша, а если я вас попрошу, как детектива, оказать мне услугу, можете?

– Конечно, если смогу, помогу.

– Хорошо, я посоветуюсь с родственниками и позвоню вам. Как мне с вами связаться?

Михаил передал девушке свою визитную карточку.

– Звони в любое время.

– Где вы выйдете? – спросила Марина.

– У метро «Юго-Западная».

При прощании она сама протянула ему руку и просто сказала: «Вы мне понравились».

– Ты мне тоже, – машинально ответил Михаил.

– От вас веет какой-то надежностью. Я думаю, скоро вам позвоню.

– Звони, буду рад помочь тебе. – Михаил не без сожаления отпустил руку девушки.

Через час он с рюкзаком ввалился в служебную квартиру Валериана Алексеевича. Шеф уже ждал его.

– Ну, как? – буквально подпрыгнул он к нему.

– Все нормально, – устало улыбнулся Михаил. По телефону из Питера он сам попросил шефа встретить его, но ничего не рассказал из соображений конспирации.

Пойдя в комнату, он высыпал на диван содержимое рюкзака и коротко доложил о результате командировки: «Два миллиона восемьдесят тысяч!»

Шеф ошалевшим взглядом смотрел то на Михаила, то на доллары, а потом с придыханием произнес: «Ни фиги себе! Ну, ты даешь!»

А вот сейчас мы проверим соотношение между твоей жадностью и порядочностью, подумал Михаил. Несколько секунд Валериан Алексеевич изумленно смотрел на гору серо-зеленых пачек на диване, перебирая их, одну даже понюхал.

– Значит, так, – наконец решительно поднялся он, – делим пополам. Нет возражений?

– Нормально, – согласился Михаил.

– Эх, Мишка, и развернемся мы с тобой с такими-то деньжищами! – Бизнесмен восторженно хлопнул Михаила по плечу. – Куда их на время спрятать?

– Я думаю, разбросать по московским банкам, а там решим.

– Разумно, – согласился Валериан Алексеевич. – Слушай, тут тебе звонили в офис несколько раз. Из Москвы.

– Кто? – напрягся Михаил.

– Не знаю. Поговори с Самсонычем. Он разговаривал.

– Хорошо. – Михаил с каким-то нехорошим предчувствием опустился на диван.

Глава 7

Теплый майский вечер в Эр-Рияде. Жара отступила, и вечерняя прохлада особенно приятна после знойного дня. На окраине города стоит скромный ухоженный коттедж. Внутри его в роскошно обставленной большой комнате сидят двое: сухой старик с морщинистым лицом и пронзительным взглядом, одетый в белое арабское одеяние, и толстый господин в дорогом английском костюме, важный и вальяжный.

Комната по богатству своего убранства напоминает апартаменты какого-нибудь арабского шейха: мрамор, ковры ручной работы, посередине комнаты небольшой фонтан с цветной подсветкой в воде. На одном из огромных ковров на стене размещены образцы холодного оружия: японские мечи, испанские стилеты, турецкие сабли, русские палаши. Оружие инкрустировано золотом, серебром, драгоценными камнями.

Перед мужчинами на дастархане мясо, фрукты, восточные сладости. Старик ничего не ест, только пьет простую воду маленькими глотками. Зато толстый господин ест за двоих и периодически прикладывает к бутылке шотландского виски, не обращая внимания на осуждающие взгляды старшего собеседника. Разговор ведется на английском языке. Говорит в основном старик.

– ...Наша цель – создать третий геополитический центр в мире, с которым все будут считаться. У нас достаточно денег, много единомышленников, в том числе и в таких сатанинских странах, как США и Россия. Единственное, чего нам сейчас еще не хватает, – единой централизованной организации. Одиннадцатого сентября мы доказали всему миру, что можем достичь своих геополитических целей. Перед нами нет препятствий.

– Махмуд, то, что мы сейчас планируем в России, это равняется акции одиннадцатого сентября? – Толстый господин развалился на шелковых подушках, оторвав отрывочной отрывочкой.

– Это будет, пожалуй, посильнее сентябрьской акции, – тихо произнес старик, и глаза его зажглись сумасшедшим блеском.

– Махмуд, а что еще за операцию ты затеваешь в России?

– Это второй вариант нашей операции. Запасной.

– А зачем нам второй вариант, если у нас первый уже почти подготовлен?

– Тенгиз, сколько у человека ног?

– Две, – удивленно посмотрел на старика толстый Тенгиз.

– Любое серьезное дело должно стоять на двух ногах. Если всего одна нога и она захромает, то дело двигаться не будет.

– И в чем состоит твой второй, запасной, вариант?

– Извини, Тенгиз, но этого я сейчас не могу раскрыть даже тебе.

– Ну, как хочешь, можешь не говорить, – досадливо махнул рукой Тенгиз. – Только второй вариант не нужен. У меня все испытано, люди подобраны, все как на подбор, так и рвутся в бой. И они сделают это в лучшем виде.

– У русских есть хорошая поговорка: не говори гоп, пока не прыгнешь.

– Не перепрыгнешь, – поправил его Тенгиз.

– Ну да. Кроме того, твои люди не внушают мне большого доверия. Они – бандиты. А нам нужны идейные борцы, истинные мусульмане...

– А-а, Махмуд, все это словесная шелуха, которая годится только для вербовки неграмотных подростков в диких горных аулах. Главное – деньги. Сейчас все делается за деньги. Нет, не спорю, идея, вера – это, конечно, хорошо. Но без материальной основы они – ноль.

– Ты стал рассуждать как неверный, продавший душу дьяволу, – печально взглянул на Тенгиза старик и с постным выражением лица стал перебирать четки.

– Да перестань, Махмуд. Не надо только вот этого... передо мной. Мы не в мечети. Мы все что-то продаем, и себя в том числе, только по-разному. Ты же загнал кое-кому партию американских «Стингеров», которые планировались для пуштунов в Ираке. Ну и что? Нормально. Я же тебя этим не попрекаю...

– А вот это тебя не касается! И не лезь в мои дела... – Глаза старика грозно сверкнули из-под мохнатых бровей.

– Ну, хорошо, хорошо, – примирительно поднял обе руки вверх Тенгиз, – извини, что нечаянно наступил на твою любимую мозоль.

В комнату вошла молодая девушка в турецком костюме: в шароварах, полупрозрачной накидке на плечах. В руках она несла серебряный кувшин, остановилась посередине комнаты, посмотрела вопросительно на старика.

– Вон, ему полей, – кивнул на толстого гостя Махмуд.

Тот тяжело встал с подушек, подошел к медному тазу, стоявшему у стены на столике. Девушка полила ему из кувшина и подала полотенце. Она стояла перед ним, скромно потупив взгляд в пол, ожидая, когда господин закончит процедуру омовения рук. Тенгиз сальным взглядом рассматривал девушку. Вытерев руки, вернул ей полотенце и приказал по-английски: «Принеси виски». Девушка кивнула головой и почти выбежала из комнаты.

– Не пойму, кто она, – вслух задал вопрос Тенгиз, снова усаживаясь на подушки, – не грузинка, не армянка, тем более не чеченка, но с Кавказа.

– Она черкеска, – нехотя пояснил старик.

– А, ну да. Черкески хороши. Но только лет до тридцати, а потом как-то увядают. В этом плане выгодно отличаются русские женщины. Вот представь, идет в Москве по улице куколка. Ножки, талия, грудь – все при ней. Лицо – лик мадонны. А знакомишься, ей уже за сорок...

Старик, который либо не был специалистом в этой области, либо не хотел опускаться до столь низкой темы, прервал знатока женщин:

– Ты зачем вчера устроил дебош в ресторане? Ударил паломника из Кувейта?

– А за дело, Махмуд. Я заказал музыку, битлов. Платил свои деньги, а он мне претензии: эта музыка не угодна Аллаху. Ну, я и ответил. Будет еще указывать, какую мне музыку слушать...

– Это нехорошо, – скорбно сжал губы старик. – Кого ты поставишь руководить операцией?

– Вольфа, ты его знаешь.

– А, это тот, который участвовал в операции в N-ске?

– Да.

– Дурацкая операция. Там все было неправильно. Кстати, ты проверял Вольфа?

– Проверял. Через своих людей в России. Он был ранен, окружен и взят в плен. Несколько лет отсидел в тюрьме. Вышел по амнистии. Злой как черт. Сейчас работает под Москвой, в Твери, в какой-то охранной фирме.

– И все-таки не мешает его еще раз проверить.

– Проверим.

– А из твоих соплеменников в Чечне нельзя организовать пару групп боевиков?

– Там сейчас тяжело. Предателей много. Ичкерией заправляет кадировский тейп. Москва им подачки кидает, они и лижут им жопу, – не скрывая злобы, проинформировал Тенгиз. – Мы с этим тейпом давно на ножах. Старшего Кадырова мы убрали, так сынок его еще хуже. Ничего, скоро и с ним разберемся. – Тенгиз налил себе в рюмку виски из принесенной девушкой бутылки.

– Пьешь много, – вяло заметил старик.

– Сколько надо, столько и пью, – раздраженно отрезал Тенгиз.

– Когда поедешь в Россию?

- Через две недели. Закончу здесь кое-какие дела и поеду.
- Да поможет тебе Аллах, – сложил ладони вместе Махмуд.

Глава 8

Атмосфера в кабинете заместителя начальника управления «БТ» была напряженной. Собрание шло уже второй час, и конца ему не было видно. Докладывал седой полковник, начальник одного из подразделений управления.

– ...нашими специалистами составлены психологические портреты возможных террористов и разосланы во все правоохранительные органы Москвы, даже в службы безопасности таможенных органов. Разрабатываются все лица, ранее попадавшие в поле нашего зрения в связи с признаками поведения, указывающими на их причастность к террористической деятельности. Подняты все архивные дела бывших террористов. Агентурная сеть работает в усиленном режиме...

– Валентин Александрович, – неожиданно прервал его Кобецкий, хмуро слушавший доклад подчиненного, – все это, что вы сейчас рассказываете, конечно, правильно. Но где результаты? Работа в усиленном режиме, как вы говорите, ведется уже две недели. Но... ничего нет! – Генерал встал из-за стола, прошелся за спиной докладчика. – Где конкретные подозреваемые? Где версии по возможным действиям противника? Когда и где могут быть взрывы? Прошло две недели, а мы топчемся на месте. Результатов – ноль!

– Товарищ генерал, мои люди работают без выходных по двенадцать часов в сутки! – обиженно воскликнул полковник.

– А как же иначе, – спокойно заметил Кобецкий, – это нормально. Надо будет, будем и по двадцать четыре часа работать.

– ...И потом, результаты все-таки есть. За эти две недели нами выявлена крупная сеть наркоторговцев в Москве, вскрыт канал поставки в столицу мигрантов-нелегалов...

– Товарищ полковник, это мы бросаем ягоды в чужую корзину. Соседи, может, и скажут вам спасибо, но на нашем счету одни нули. А мне нужны тер-ро-рис-ты! – Генерал двинулся вдоль длинного стола, за которым сидели его сотрудники и напряженно молчали. – Валентин Александрович! – Кобецкий остановился сзади седого полковника и так посмотрел ему в спину, что тот передернул плечами. – Я тебя не узнаю. Ты что, нюх потерял? Может, тебе полегче должность найти? Садитесь!

Пожилой полковник, обескураженный, опустился на стул. Некоторые из присутствующих коллег посматривали на него с сочувствием. После последней фразы генерала установилась неловкая пауза. Кобецкий сел на свое место, жестким взглядом обвел всех сидящих за столом.

– Товарищи офицеры, – голос начальника звучал тихо и глухо, – мы с вами стоим на передовом рубеже в войне с террористами. И кроме нас нашу работу никто не сделает. Если мы не сработаем, значит, победят преступники. Значит, грош нам цена, значит, мы зря тут сидим и зря получаем государственную зарплату. – Его сжатый кулак кувалдой стукнул по столу так, что звук от удара гулко прошелся в тишине кабинета. Затем он уже спокойно спросил: – У кого есть еще что добавить к сказанному? Может, мысли какие? Говорите, здесь стесняться не надо.

– Геннадий Николаевич, а может, мы взглянем на проблему с другого конца? – подал голос Тихорецкий. – Давайте посмотрим, что у нас в Москве планируется во второй половине лета. Практика показывает, что они, как правило, приурочивают свои акции к каким-то нашим значительным мероприятиям. Может, это поможет нам выйти на след?

У Тихорецкого плохо сгибалась в колене поврежденная нога, поэтому он сидел в кресле хозяина кабинета полулежа. Кобецкий внимательно посмотрел на коллегу из другого управления.

– А что, мысль дельная, – согласился он. – Что у нас будет этим летом? Вспоминаем!

- Совещание стран – участниц ШОС¹⁷.
- Так, – утвердительно кивнул Кобецкий.
- Прибытие через месяц представителей Евросоюза...
- Европейский чемпионат ватерполистов.
- Международная выставка кошек. Через неделю...

Кто-то из присутствующих хихикнул. Кобецкий только мотнул головой, плотно сжав губы. Сообща набрали около десятка мероприятий, которые должны летом состояться в Москве.

– Значит, так, Валентин Александрович, – повернулся к седому полковнику Кобецкий, – обмозгуй этот вопрос со своими ребятами и, если возникнут версии, сразу докладывай. Нет больше предложений, мыслей? – Генерал оперся обеими руками на стол, наклонившись всем корпусом вперед, скользнул взглядом по сидящим за столом сотрудникам. Не заметив реакции с их стороны, добавил: – Если у кого что возникнет – версия, мысль, зацепка, – звоните мне немедленно в любое время дня и ночи. Мой телефон включен круглосуточно. Все. Все свободны. Следующее совещание послезавтра в это же время.

В кабинете сразу спало напряжение, все встали, задвигали стульями.

– Александр Юрьевич, а вы останьтесь, пожалуйста, с Лемешевым, – попросил Кобецкий Тихорецкого.

Он достал из сейфа папку, поставил стул напротив Александра Юрьевича, попросил Лемешева подойти к нему.

– Самая поганая ситуация, это когда не видишь противника. Это как игра в жмурки. Ты тычешься беспомощно, как слепой котенок, а он где-то рядом, ждет, когда и где тебя больней ударить. – Кобецкий медленно провел ладонью по лицу. Только сейчас гости заметили, что генерал устал: лицо серое, глаза с красными прожилками, видимо, от недосыпания. – Николай Петрович, пора вводить в игру ферзя. Передаю тебе на связь Волкодава. Встреча сегодня в двадцать три ноль-ноль. Вот его дело. – Генерал передал майору папку с титульным листом «Личное дело». – Почитай прямо сейчас, что неясно, сразу спрашивай. Будешь с ним работать на Кавказе. Садись вон там за стол, а мы пока с Александром Юрьевичем побеседуем.

– Геннадий Николаевич, неужели действительно нет никаких зацепок? – удивленно посмотрел на коллегу Тихорецкий.

– Никаких, – сокрушенно покачал головой Кобецкий.

– А «Хизб Ут Тахрир аль ислами»?

– Нет, мы оттуда получали информацию. Это не они. Да у них и нет возможностей на такие акции. Дело в том, что, по данным нашего закордонного источника, взрывы готовятся в нескольких городах.

– В нескольких?! – Тихорецкий чуть не подпрыгнул в кресле. – В каких?

– Не знаю. Мой источник доступа к этой информации не имеет. Достоверно известно, что это арабские террористы. Возможно, их подкармливают и наши американские коллеги.

¹⁷ Шанхайская организация сотрудничества, состоит из России, Китая, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.